

Тюремщики и начальники каторжниковъ большую часть дѣлаются защитниками тѣхъ, кого они должны мучать. Жандармы и сыщики постоянно спасаютъ тѣхъ, кого они должны губить. Духовныя лица проповѣдуютъ терпимость, иногда даже отрицаніе насилія, и болѣе образованныя изъ нихъ стараются въ своихъ проповѣдяхъ обходить ту самую ложь, которая составляетъ весь смыслъ ихъ положенія и которую они призваны проповѣдовать. Палачи отказываются отъ исполненія своихъ обязанностей, такъ что въ Россіи смертныя приговоры часто не могутъ приводиться въ исполненіе за отсутствіемъ палачей, такъ какъ охотниковъ поступать въ палачи, не смотря на всѣ выгоды, предоставляемыя этимъ людямъ, выбираемымъ изъ каторжниковъ, становится все меньше и меньше. Губернаторы, исправники, становые, сборщики податей, мытари, часто, жалѣя народъ, стараются найти предлоги для несобирания съ народа податей. Богачи не рѣшаются пользоваться своимъ богатствомъ только для себя, а распределяютъ его на общественныя дѣла. Землевладѣльцы устраиваютъ на своихъ земляхъ больницы, школы, а нѣкоторые изъ нихъ даже отказываются отъ владѣнія землей и передаютъ ее земледѣльцамъ или устраиваютъ на ней общины. Заводчики и фабриканты устраиваютъ больницы, училища, кассы, пенсіи, жилища для рабочихъ; нѣкоторые учреждаютъ товарищества, въ которыхъ сами становятся равными съ другими участниками. Капиталисты отдають часть своихъ капиталовъ на общественныя, образовательныя, художественныя, филантропическія учрежденія. Не въ силахъ разстаться съ своими богатствами при жизни, многие изъ нихъ послѣ смерти по завѣщаніямъ все таки отказываются отъ нихъ въ пользу общественныхъ учреждений.

Всѣ эти явленія могли-бы казаться случайными, если-бы они всѣ не сводились къ одной общей причинѣ, какъ и могло-бы казаться случайнымъ то, что весной на нѣкоторыхъ деревьяхъ начинается наливать почка, если-бы мы не знали, что причина этого—общая весна, и что, если на нѣкоторыхъ деревьяхъ вѣтви начали мякнуть, то навѣрное то же будетъ и со всѣми.

То же и въ проявленіи христіанскаго общественнаго мнѣнія о значеніи насилія и того, что основано на немъ. Если это общественное мнѣніе вліяетъ уже на нѣкоторыхъ наиболее чуткихъ людей и заставляетъ ихъ каждого въ своемъ дѣлѣ отказываться отъ преимуществъ, даваемыхъ насиліемъ, или не пользоваться имъ, то оно будетъ вліять и дальше, и будетъ вліять до тѣхъ поръ, пока не измѣнитъ всю дѣятельность людей и не приведетъ ее въ согласіе съ тѣмъ христіанскимъ сознаніемъ,

которое уже живетъ въ передовыхъ людяхъ человѣчества.

И если теперь уже есть правители, не рѣшающіеся ничего предпринимать сами своей властью и старающіеся быть какъ можно болѣе похожими не на монарховъ, а на самыхъ простыхъ смертныхъ, и высказывающіе готовность отказаться отъ своихъ прерогативъ и стать первыми гражданами своей республики; и если есть уже такіе военные, которые понимаютъ все зло и грѣхъ войны и не желаютъ стрѣлять ни въ людей чужого, ни своего народа; и такіе судьи и прокуроры, которые не хотятъ обвинять и приговаривать преступниковъ; и такіе духовные, которые отказываются отъ своей жжи; и такіе мытари, которые стараются какъ можно меньше исполнять то, что они призваны дѣлать; и такіе богатые люди, которые отказываются отъ своихъ богатствъ, — то неизбѣжно стѣлается то же самое и съ другими правительствами, другими военными, другими судейскими, духовными, мытарями и богачами. А не будетъ людей, готовыхъ занимать эти положенія, не будетъ и самихъ положеній и насилія.

Но не этимъ однимъ путемъ ведетъ общественное мнѣніе людей къ уничтоженію существующаго порядка и замѣненію его новымъ. По мѣрѣ того, какъ положенія насилія становятся все менѣе и менѣе привлекательными и все менѣе и менѣе находятъ охотниковъ занимать ихъ, все болѣе и болѣе разъясняется и ненужность ихъ.

Тѣ же въ христіанскомъ мірѣ правители и правительства, тѣ же войска, тѣ же суды, тѣ же мытари, то же духовенство, тѣ же богачи землевладѣльцы, фабриканты и капиталисты, какъ и прежде, но совсѣмъ другое уже отношеніе къ нимъ людей и самихъ людей къ своему положенію.

Все тѣ же правители, такъ же ѣздитъ на свиданія, такія же встрѣчи, и охоты, и пирры, и балы, и мундиры, и такіе же дипломаты, и разговоры о союзахъ и войнахъ; такіе же парламены, въ которыхъ такъ же разбираются вопросы восточные и африканскіе, и союзовъ, и разрывовъ, и гомруля, и 8-часового дня. И такъ же смѣняются одни министерства другими, такія же рѣчи, инциденты. Но людямъ, видящимъ, какимъ образомъ одна статья въ газетѣ измѣняетъ болѣе положеніе дѣлъ, чѣмъ десятки свиданій монарховъ и сессій парламенговъ, все яснѣе и яснѣе становится, что не эти встрѣчи и свиданія, и разговоры въ парламентахъ руководятъ дѣлами людей, а нѣчто независимое отъ всего этого и ниждѣ не сосредоточенное.

Тѣ же генералы и офицеры, и солдаты, и пушки, и крѣпости, и смотры, и маневры, но войны нѣтъ годъ, десять, двадцать лѣтъ, и кромѣ того все менѣе и менѣе